
А. И. КОГАН

ЕЩЕ РАЗ О МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАНИЯХ И МОНГОЛЬСКОМ ВЛАДЫЧЕСТВЕ В КАШМИРЕ

Эпоха монгольского владычества в Кашмире до сих пор не привлекала должного внимания исследователей и по этой причине остается малоизученной. В статье делается попытка заполнить этот пробел. Используя данные монгольских, мусульманских, китайских, тибетских и собственно кашмирских исторических источников, автор анализирует последствия господства монголов для кашмирского царства. Основной вывод, делаемый в статье, состоит в том, что монгольское завоевание сыграло роль катализатора процессов, приведших к радикальной смене культуры в Кашмирской долине и превративших Кашмир из индусского государства в мусульманское.

Ключевые слова: монгольские завоевания, история Центральной Азии, история Кашмира, история Индии, государство илханов, Чагатайский улус.

Завоевание монголами кашмирского государства, имевшее место во 2-й трети XIII в., принадлежит к числу тех исторических событий, которые хотя и нашли освещение в нарративных источниках, не привлекли при этом должного внимания современных исследователей. Несмотря на то, что сам факт монгольского вторжения в Кашмир был признан европейскими учеными достаточно давно¹, последствия этого вторжения все еще остаются во многом неизученными. Подобная парадоксальная ситуация сложилась, на наш взгляд, не в последнюю очередь благодаря тому, что данная проблема исследовалась главным образом специалистами по истории монголов, а специалисты по кашмирской истории ее фактически игнорировали. До сих пор нам не удалось найти ни одной(!) работы медиевиста-индолога, в которой отношения Кашмира

¹ См.: например, работы Карла Яна (Jahn 1956; 1965).

и Монгольской империи в XIII в. подверглись бы детальному рассмотрению. Большинство же авторов (в особенности индийских) не упоминает их вовсе². В результате наши представления о данной проблеме являются в определенном смысле односторонними. Их можно было бы охарактеризовать как «взгляд монголоведа»: нам известно, что власть монгольских ханов в определенную эпоху распространилась на Кашмир, но мы почти не знаем, как отразился этот факт на жизни страны и ее народа.

Чем бы ни было вызвано такое положение вещей, оно никоим образом не может быть признано удовлетворительным. В немалой степени именно благодаря ему XIII в. продолжает оставаться огромным «белым пятном» кашмирской истории. Следует напомнить, что от этой эпохи до нас не дошло ни одного собственно кашмирского исторического источника. Самое раннее доступное нам описание событий XIII столетия, сделанное кашмирцем, относится ко второй половине XV в. Это хроника, написанная на санскрите Джонараджей – одним из придворных поэтов султана Зейн-уль-Абидина (1420–1470)³. В ней история Кашмира в интересующий нас период изложена крайне сжато и чрезвычайно фрагментарно. Это, а также тот факт, что во вступительном слове к хронике Джонараджа не упоминает ни одного предшественника-историка, за исключением хрониста XII в. Кальханы, заставляет предположить, что в период между 1149 г. (дата завершения Кальханой своей знаменитой хроники «Раджатарангини») и временем правления Зейн-уль-Абидина имел место примерно трехвековой перерыв в летописной традиции. Если это действительно было так, в ранней части хроники Джонараджи нельзя исключить наличие ошибочных

² К счастью, из этого правила все же есть исключения. К ним относится, в частности, работа индийского исследователя Мохиб-уль-Хасана «Kashmir under the Sultans» (Hasan 1959). В ней кратко сообщается о вторжениях монголов в Кашмир, однако особой важности этим событиям не придается. Утверждается, что монгольские походы, по-видимому, носили характер набегов и затронули лишь пограничные горные районы страны (*Ibid.*: 35–36). Из нашего последующего изложения будет ясно, что такая точка зрения не может быть принята.

³ Необходимо отметить, что эта хроника, вне всякого сомнения, не была единственной в Кашмире того времени. Нам известны имена двух поэтов-мусульман – Муллы Надири и Муллы Ахмада, живших при дворе того же султана и составивших исторические хроники на персидском языке. Эти последние, однако, не сохранились, и известны лишь по упоминаниям в трудах более поздних авторов.

датировок, анахронизмов и сведений легендарного характера. То же с полным основанием может быть сказано и относительно более поздних кашмирских источников – персоязычных хроник XVI–XVIII вв. Поэтому мы полагаем, что данные этих источников так же, как и данные хроники Джонараджи, могут быть использованы только в сопоставлении со свидетельствами иностранных исторических документов⁴. Важнейшее место среди них занимают как раз те, где описываются монгольские завоевания и их последствия.

Говоря о рассматриваемой в данной работе эпохе (XIII и первые десятилетия XIV в.), необходимо отметить, что ее значение для истории Кашмира трудно переоценить. Это было время, непосредственно предшествующее установлению власти мусульманских династий и тем глубочайшим культурным переменам, которые в конечном итоге превратили Кашмирскую долину в часть исламского мира. Каковы были реальные движущие силы этих перемен? Какие конкретные обстоятельства им в наибольшей степени благоприятствовали? Найти ответы на эти вопросы, на наш взгляд, едва ли возможно, не зная историю XIII в. – периода, когда монгольские завоевания положили конец былой замкнутости Кашмира и фактически вынудили его установить тесные контакты с целым рядом регионов, в том числе с мусульманской Передней и Средней Азией.

* * *

Первые краткие сообщения о походе монгольского войска против кашмирского государства мы находим уже в «Сокровенном сказании монголов». Там Кашмир (монг. *Кешимир*) упоминается в числе 11 стран, завоевание которых Чингисхан поручил своему полководцу Субэдэю (Сокровенное... 1941: § 262). Далее говорится, что великий хан Угэдэй вскоре после своего восшествия на престол «отправил в поход Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей на помощь Субеетая (Субэдэю. – *А. К.*), так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов

⁴ Интересно, что аналогичное замечание высказывалось и относительно «Раджатарангини» Кальханы (Селиванова 1985) – исторического труда, составленного с очень большой тщательностью и, несомненно, с опорой на работы предшественников. Заслуживает внимания также мнение выдающегося исследователя истории Кашмира А. Стейна, согласно которому поздние кашмирские хроники нуждаются в критическом издании (Stein 1919).

и городов, завоевание которых ему было поручено еще при Чингис-хане» (Сокровенное...1941: § 270). В числе этих «народов и городов» снова упоминается Кашмир.

Наиболее подробные сведения о кашмирско-монгольских отношениях в XIII – начале XIV в. содержатся в знаменитом сборнике летописей (Джами ат-таварих) персидского историка Рашид ад-Дина. Сведения эти разбросаны по первой части литературного памятника, посвященной истории монголов, и компактно изложены во второй части, включающей всемирную историю. Ценность Джами ат-таварих как источника сведений по интересующей нас теме определяется еще и тем, что среди информантов Рашид ад-Дина, участвовавших в составлении сборника, был уроженец Кашмира – буддийский монах Камалашри. Он, по всей видимости, сыграл решающую роль в подготовке главы, посвященной истории Индии. Истории кашмирского государства в этой главе отведен специальный раздел. Важно отметить, что часть упомянутых в этом разделе событий XIII в. Камалашри мог наблюдать собственными глазами, а часть – знать из рассказов очевидцев, в частности людей старшего поколения. Это заставляет нас считать сборник летописей Рашид ад-Дина не просто важным, а важнейшим источником по истории Кашмира XIII столетия, несомненно, более ценным, чем, например, хроника Джонараджи.

Согласно Рашид ад-Дину, великий хан Угэдэй отправил своего полководца Хукату (Укуту-нойона) в поход против Кашмира. Монгольское войско осадило кашмирскую столицу (вероятно, Сринагар) и вскоре овладело ею. Царь Кашмира Рамадева бежал от завоевателей, переплыв на своем вороном коне через реку⁵. В течение 6 месяцев монгольское войско находилось в городе, занимаясь грабежами, после чего удалилось, оставив в Кашмире наместника. Семь лет спустя Рамадеве удалось восстановить независимость своей страны. Монгольский наместник был изгнан. Второй поход против кашмирского государства был организован вскоре после восшествия на престол великого хана Мункэ. Армия под предводительством полководцев Сали-нойона и Текудер-нойона восстано-

⁵ У Рашид ад-Дина она носит название Черная Река. Надежно идентифицировать ее не удалось. Карл Ян допускает, что это мог быть один из притоков Джелама (Jahn 1956).

вила былой монгольский контроль над Кашмиром. Страна подверглась опустошению, наиболее влиятельные из числа столичных жителей были убиты, было захвачено огромное количество рабов. Вскоре после этих событий умер царь Рамадева. По указу ханов Мункэ и Хулагу на престол был возведен его брат Лакшмадева. Начиная с этого времени и вплоть до завершения Рашид ад-Дином своего труда Кашмир находился в вассальной зависимости от монголов. В этот период на кашмирском престоле сменилось 3 царя: Лакшмадева, Самадева и Сухадева. Последний был современником Рашид ад-Дина (Jahn 1956; 1965; 1980)⁶.

Обе упомянутые здесь военные экспедиции могут быть достаточно точно датированы. В первой части своего сборника Рашид ад-Дин сообщает, что поход Хукату был организован в год проведения Угэдэем второго курултая, то есть в 1235 г. Учитывая весьма большое расстояние от Монголии до Кашмира, можно предположить, что захват Сринагара едва ли мог иметь место раньше 2-й половины того же года. Назначение монгольского наместника после полугодия грабежей следует отнести уже к 1236 г., а восстановление кашмирским царем независимости – к 1243 г. Такая датировка хорошо согласуется с некоторыми фактами из истории Монгольской империи. Период между смертью Угэдэя (1241 г.) и возведением на престол Мункэ (1251 г.) был, как известно, временем крайне неустойчивой центральной власти. Большая часть этого десятилетия приходится на междуцарствия, когда монгольское государство не имело верховного правителя. Вполне естественно, что именно в это время царь Кашмира, воспользовавшись ситуацией, смог избавиться от вассальной зависимости. Поход Сали-нойона, согласно Рашид ад-Дину, начался в год назначения в Иран хана Хулагу⁷, то есть в 1253 г.⁸ Таким образом, последний относительно

⁶ Этот царь выступает в хронике Джонараджи под именем Сахадева.

⁷ Как сообщается в Джамии ат-таварих, в этот год великий хан Мункэ назначил Сали-нойона командующим двадцатитысячным монгольским войском, стоявшим в Бадахшане и в районе Кундуза. Далее говорится, что «Сали-нойон повел войско в Хиндустан и Кашмир, завоевал много областей, привез [разную] добычу и прислал Хулагу-хану множество индусов-невольников» (Рашид ад-Дин 1952: 110).

⁸ Согласно китайской династийной хронике Юань-ши, поход Хулагу начался в 1252 г. (Храпачевский 2009: 189). Однако поход Сали-нойона в Кашмир в том же источнике датируется 1253 г. (Там же: 191).

продолжительный период независимого существования домусульманского Кашмира продолжался около 10 лет.

Цари Кашмира, названные Рашид ад-Дином, упоминаются также и в хронике Джонараджи. При этом, однако, датировка их правления у двух историков в ряде случаев разительно не совпадает. Попытка разрешить эту проблему, на наш взгляд, в целом успешная, была предпринята К. Яном, посвятившим кашмирско-монгольским отношениям специальную работу (Jahn 1956). В ней исследователь небезосновательно полагает, что события, отнесенные Рашид ад-Дином ко времени правления царя Рамадевы, в действительности происходили в период царствования трех правителей: Раджадевы (1212/13–1235)⁹, Санграмадевы (1235–1252) и собственно Рамадевы (1252–1273). Первое монгольское вторжение произошло, согласно К. Яну, при Раджадеве. Если это действительно было так, следует предположить, что этот царь скончался вскоре после своего бегства из Кашмира, и временное освобождение страны от монгольской власти никак не могло быть связано с его именем. Нельзя, впрочем, исключить, что вторжение войска Хукату произошло в первый год царствования Санграмадевы. В этом случае дальнейшие события могли развиваться в точности так, как изложено в Джамии ат-таварих. Смерть царя Рамадевы никоим образом не могла случиться сразу после похода Сали и Текудера, который, как уже говорилось, имел место в первые годы правления Мункэ. С этим походом, однако, хронологически совпадает смерть Санграмадевы¹⁰. Соответственно Рамадева был, по всей видимости, тем правителем, который был посажен на престол по указу Мункэ и Хулагу¹¹. К Лакшмадеве¹² (1273–1286) это относиться никак не могло: в год его воцарения ни Мункэ, ни Хулагу уже не было в жи-

⁹ Годы правления всех кашмирских царей даны в соответствии с хронологией Джонараджи (английский перевод его хроники см.: Medieval... 1993).

¹⁰ Возможная разница в один год в данном случае не должна смущать исследователя, поскольку, как отмечалось выше, хронология ранней части хроники Джонараджи, вероятнее всего, не свободна от неточностей.

¹¹ К. Ян считает это невероятным (Jahn 1956). Следует, однако, оговориться, что при критическом отношении к версии Рашид ад-Дина наша трактовка может оказаться вполне приемлемой.

¹² В хронике Джонараджи этот царь известен под именем Лакшманадева.

вых. Вполне вероятно, впрочем, что и Лакшмадева (Лакшманадева) был возведен на трон монгольскими властями.

Несомненная путаница царских имен, обнаруживаемая в сборнике летописей Рашид ад-Дина, представляется нам объяснимой. Правители с такими сходными по звучанию именами, как Раджадева, Рамадева и Санграмадева, могли быть отождествлены, например, более поздними переписчиками текста Джамии ат-таварих, для которых эти иностранные имена были, по существу, бессмысленным набором звуков.

Хроника Джонараджа прямых указаний на монгольские завоевания не содержит. Не исключено, что это объясняется недостаточной осведомленностью кашмирского хрониста о событиях XIII в., связанной с возможным трехвековым перерывом в летописной традиции (см. выше). Вместе с тем в тексте летописи имеется одно весьма интересное сообщение, которое в действительности может являться свидетельством одного из монгольских походов. Джонараджа говорит о некоем иноземном завоевателе по имени Кадджала, вторгшемся в XIII в. в кашмирское государство, захватившем большую его часть и убившем царя (Medieval... 1993). Сам историк считает этого захватчика мусульманином (санскр. *турушка*), однако такое суждение о его религиозной принадлежности необязательно понимать буквально: оно может указывать лишь на тот факт, что завоевавшее Кашмир войско пришло с северо-запада, то есть из мусульманских стран. Это прекрасно согласуется с сообщением Рашид ад-Дина о том, что исходным пунктом похода Салинойона был Бадахшан и район Кундуза (ныне в Афганистане). Имя Кадджала идентифицировать не удастся. Возможно, это санскритская передача имени какого-то монгольского военачальника невысокого ранга, непосредственно участвовавшего в боевых действиях в Кашмирской долине.

Джонараджа относит описанные события ко времени правления Лакшманадевы, что в свете всего сказанного выше представляется крайне сомнительным. Маловероятно, что монгольское войско вторглось в страну, незадолго до этого монголами же и завоеванную и признававшую (согласно Рашид ад-Дину) вассальную зависимость от монгольских ханов. Вторжение какого-то иного (немонгольского) захватчика также маловероятно: судя по сведениям

Джами ат-таварих, после похода Сали и Текудера монголы крепко удерживали власть над Кашмиром и, скорее всего, были вполне способны не допустить его захвата даже на относительно короткое время. Поэтому представляется вполне вероятным, что в данном случае мы имеем дело с ошибочной датировкой в хронике Джонараджи. Вторжение Кадджалы, по всей видимости, следовало бы отнести к периоду царствования не Лакшманадевы, а Санграмадевы.

Вторжение монголов в Кашмир упоминается еще в одном письменном памятнике XIII в. – «Книге о разнообразии мира» Марко Поло. Там сообщается, что племянник Чагатая Ногодар предал своего дядю, находившегося в Великой Армении, и «бежал с десятью тысячами своих лютых злодеев, прошел через Бадасиан (Бадахшан. – *А. К.*), через ту область, что зовется Пашиай, и еще через другую — Шессиемюр (Кашмир. – *А. К.*)¹³; погигло у него много людей и скота; дороги там по теснинам, дурные» (Книга... 1955: 214). Затем говорится, что, захватив эти земли, он «перешел в Индию, на границу страны Деливар», овладел «Деливаром-городом и поселился там, а царя, славного и богатого султана Асидиу, сместил» (Там же). Этот рассказ великого венецианского путешественника привлек внимание А. Стейна, посвятившего интерпретации описанных Марко Поло событий специальную статью (Stein 1919). В ней он попытался в деталях проследить путь войска Ногодара из Бадахшана в Кашмир. Между тем среди исследователей как будто возобладала точка зрения, согласно которой сообщение Марко Поло изобилует неточностями и поэтому не заслуживает полного доверия. Так, предполагается, что под именем Ногодар скрываются два совершенно разных исторических лица: полководец Никудер, служивший при золотоордынском хане Берке, и чагатаид по имени Текудер¹⁴. Последний, как считается, принимал участие в кашмирском походе Сали-нойона (Jahn 1956). Таким образом, мы не видим веских оснований рассматривать рассказ Марко Поло как свидетельство еще одного (третьего) вторжения монголов в Кашмир: представляется весьма вероятным, что речь фактически шла о военной кампании времен Мункэ-хана.

¹³ Также Кешемур, Шесмюр, Кезимур (Книга... 1955: 214, сн. 82).

¹⁴ См.: Jackson 2003 (со ссылками на более раннюю литературу).

* * *

Сборник летописей Рашид ад-Дина и хроника Джонараджи не являются единственными источниками сведений о Кашмире XIII в. Такие сведения содержатся также в некоторых текстах нелетописного характера. Помимо книги Марко Поло, содержащей в том, что касается Кашмира, информацию исключительно из вторых рук, в нашем распоряжении имеется один интересный документ, автор которого лично посетил Кашмирскую долину в интересующую нас эпоху. Речь идет о путевых заметках тибетского паломника по имени Ургьенпа (Оргьенпа, тиб. *Urgyan-pa*). Этот текст, обнаруженный в 1930 г. итальянским тибетологом Джузеппе Туччи и изданный им же в английском переводе в Калькутте в 1940 г. (Tucci 1940), как нам представляется, остается без должного внимания со стороны специалистов по истории кашмирского государства.

Опираясь на ряд тибетских документов, прежде всего на дошедшую до нас биографию Ургьенпы, Дж. Туччи приходит к выводу, что этот религиозный деятель жил в XIII в., а его паломничество следует отнести ко времени после 1250 г. (*Ibid.*: 9). Целью паломничества было посещение священной для тибетских буддистов страны Уддияна, охватывавшей, согласно традиционным представлениям тибетцев, ряд районов в долинах рек Инд, Кабул и их притоков (на северо-западе нынешнего Пакистана). Посетив долину реки Сват (левый приток Кабула), Ургьенпа и его спутник Пале (тиб. *dPal-ye*) отправились обратно в Тибет. Путь их пролегал через Кашмир, где паломники задержались на некоторое время. Описанию пребывания в Кашмире посвящена заключительная часть путевых заметок Ургьенпы.

В этом описании тибетский паломник указывает, что Кашмир в прошлом подвергался нападению монголов. С этим, по его мнению, связано значительное сокращение населения в г. Сринагаре. Сообщается также, что столицей кашмирского государства была в это время Авантипура¹⁵. Не исключено, что переезд царского двора из Сринагара был связан именно с упадком последнего после монгольского вторжения. С другой стороны, Ургьенпа совершенно не

¹⁵ Город на правом берегу р. Джелам, южнее Сринагара. В путевых заметках Ургьенпы выступает под именами Ватипур и Варипур и называется «непоколебимым тронем Кашмира» (Tucci 1940: 63).

упоминает никаких признаков постоянной монгольской власти в Кашмире. При этом он говорит об открытой враждебности и даже ожесточенности по отношению к монголам не только со стороны простого народа, но и со стороны правителя. Эта ожесточенность чуть было не стала причиной гибели паломника, из-за своей характерной монголоидной внешности часто принимавшегося местными жителями за монгола. Когда о пребывании «монгола» в стране стало известно царю, тот немедленно отдал приказ об аресте и казни Ургьенпы. Тибетский паломник был схвачен, но смог бежать из-под стражи и спешно покинул Кашмир.

Несомненная независимость кашмирского правителя от Монгольской империи и его откровенно враждебное отношение к монголам можно считать свидетельством того, что посещение Ургьенпой Кашмира имело место в период между двумя описанными выше монгольскими вторжениями – Хукату и Сали-нойона. В этот период, длившийся, как уже говорилось, около 10 лет, кашмирское государство смогло восстановить независимость. При этом в памяти кашмирцев наверняка сохранялись опустошения и жестокость похода Хукату, со времени которого прошло менее 20 лет. Этим, видимо, и следует объяснять ту нескрываемую ненависть, которую вызывали в Кашмире монголы.

Интересно отметить, что датировка монгольских походов в Кашмир в сборнике летописей Рашид ад-Дина и в Юань-ши позволяет уточнить предложенную Дж. Туччи датировку путешествия Ургьенпы. Вероятнее всего, оно имело место между 1250 и 1253 гг., поскольку после этого периода Кашмир, как уже говорилось, на долгие годы попал под контроль монголов, превратившись в вассальное государство.

* * *

Какие последствия имело для Кашмира и кашмирцев монгольское завоевание? Если иметь в виду последствия в долгосрочной перспективе, следует признать, что данный вопрос до сих пор остается без ответа. Источники сообщают о грабежах и опустошениях, учиненных монгольскими войсками во время обоих походов. Однако из истории других стран и народов, подчиненных в XIII в. монголами, известно, что за грабежами и опустошениями следова-

ло достаточно быстрое восстановление и возвращение к мирной жизни, сопровождавшееся целым рядом общественных изменений. О том, каковы были эти изменения в Кашмире, можно судить лишь по отрывочным косвенным сведениям. Основная часть этих сведений относится к изменениям в культуре. Первое, что обращает на себя внимание при анализе доступных нарративных источников, это несомненное усиление влияния буддийской общины Кашмира. Хотя Кашмирская долина издревле была одним из главных центров буддизма, в период раннего Средневековья обозначилась тенденция к уменьшению роли этой религии в духовной и политической жизни страны при одновременном росте влияния индуизма, прежде всего шиваизма¹⁶. После монгольского завоевания ситуация, по-видимому, заметно изменилась. Новые власти стали оказывать кашмирским буддистам покровительство, благодаря чему некоторые из них добились весьма высокого положения в масштабах всей Монгольской империи. Так, известно, что при дворе Угэдэя жил буддийский монах-кашмирец по имени Намо. Впоследствии он стал наставником следующего великого хана – Гуюка, а при Мункэ он же был назначен главой всех буддистов подвластных монголам стран (Berzin n.d.; Jahn 1965)¹⁷. Показательно также, что в государстве ильханов, правители которого – Хулагуиды – в XIII в. покрови-

¹⁶ Необходимо, впрочем, отметить, что полностью буддизм в кашмирском государстве не исчезал вплоть до мусульманского времени. В Раджатарангини Кальханы буддисты и буддийские храмы-*вихары* упоминаются при описании событий XI–XII вв. О сохранении буддийской общины в этот период свидетельствуют и данные археологии. Сохранение буддизма на протяжении всей доисламской эпохи резко отличает Кашмир от большинства других областей Северной Индии, где эта религия практически прекратила свое существование к концу I тысячелетия н. э.

¹⁷ История Намо интересна еще и тем, что она позволяет пролить свет на некоторые неясности в хронологии монгольского владычества в Кашмире. Факт прибытия кашмирского монаха ко двору хана Угэдэя означает наличие регулярных и прочных связей между Кашмиром и Монголией уже в 1-й половине XIII в. На установление таких связей требовалось значительное время, из чего следует, что период господства монголов после вторжения 1235 г. был достаточно продолжительным. Между тем такая точка зрения не принимается рядом современных историков, в частности британским исследователем Питером Джексоном. Сообщение о том, что монголы управляли Кашмиром в течение 7 лет после похода Хукату, рассматривается им как ошибка в одной из рукописей Джамии ат-таварих, а сам этот поход фактически сводится к грабительскому набегу (Jackson 2003). Возможно, что к аналогичной точке зрения на определенном этапе склонялся и К. Ян. В его немецком переводе сборника летописей Рашид ад-Дина говорится, что монголы были изгнаны Рамадевой через 7 месяцев (Jahn 1980). Хотя возможность ошибки переписчика исключить нельзя, приведенные нами данные заставляют считать подобную трактовку маловероятной.

вительствовавали буддизму, проживало немало монахов из Кашмира, одним из которых, как уже говорилось, был Камалашри – информант Рашид ад-Дина.

Наряду с усилением позиций буддийской общины для Кашмира времен монгольского владычества необходимо отметить еще одно чрезвычайно важное культурное изменение: возникновение и рост общины мусульманской. Первое упоминание о мусульманах как о значительной прослойке населения Кашмирской долины относится как раз к XIII в. Оно встречается у Марко Поло, который, описывая быт и нравы кашмирцев, отмечает: «Здесь люди животных не убивают и крови не проливают; а когда захотят поесть мяса, так нужно, чтобы *сарацины, живущие там же*, набили животных» (Книга... 1955: 269). Известно, что сам Марко Поло в Кашмире не бывал, и сведения об этой стране получены им из вторых рук. Это обстоятельство, как нам представляется, делает сообщение о сарацинах особенно интересным и показательным. Община кашмирских мусульман была, по всей видимости, достаточно заметна и велика в численном отношении, чтобы о ней стало известно за пределами Кашмира. Ее появление, несомненно, следует считать результатом интенсивных контактов с завоеванными монголами мусульманскими странами, причем особая роль в этих контактах, вероятно, принадлежала Ирану и районам, расположенным в пределах нынешнего Афганистана. Эти области входили в государство Хулагуидов, с которым Кашмир был тесно связан во 2-й половине XIII в. (Jahn 1956; 1965; Wink 2002)¹⁸. Распространение ислама никоим образом не могло являться следствием насильственного его насаждения. Во времена путешествия Марко Поло мусульманство еще не стало официальной религией хулагуидского государства. Правители-ильханы проводили политику веротерпимости, проявляя при этом определенные симпатии к буддизму.

К сожалению, мы не можем сказать ничего определенного о составе мусульманской общины Кашмира. Остается неясным, преобладали ли в ней новообращенные из числа местного населения или

¹⁸ По сообщению Рашид ад-Дина, Сали-нойон накануне похода в Кашмир и Индию был поставлен ханом Мункэ в непосредственное подчинение Хулагу (Рашид ад-Дин 1952: 110).

выходцы из соседних мусульманских стран. Утверждать с уверенностью можно лишь одно: на рубеже XIII и XIV вв. эта община росла и усиливала свое влияние. В 1-й половине XIV в. после бегства царя Сахадевы власть в стране захватывает тибетский эмигрант Ринчен, который вскоре после восшествия на престол обращается в ислам и принимает титул султана. Данное событие является красноречивым свидетельством того, что мусульманские богословы и проповедники в это время обладали авторитетом даже при кашмирском дворе.

Сведения об изменениях, не относящихся к сфере духовной культуры, еще более скудны. Особенно это относится к хозяйству и общественной жизни, о которых доступные нам источники чаще всего попросту молчат. Так, на сегодняшний день не представляется возможным ответить на вопрос, были ли характерны для Кашмира XIII в. такие обычные для завоеванных монголами стран атрибуты социально-экономического устройства, как двойное налогообложение, включающее подушный и поземельный налог, ямская служба и постоянная повинность. Имеются лишь отдельные указания на значительную активизацию внешних экономических связей. По свидетельству Марко Поло, в Кашмире находили широкий сбыт товары даже из Средиземноморья¹⁹. Данное сообщение при всей своей краткости представляется нам весьма важным. Оно недвусмысленно указывает на то, что некогда почти изолированная от внешнего мира Кашмирская долина²⁰ после монгольского завоевания была втянута в глобальную сеть товарного, а следовательно, и информационного обмена.

¹⁹ «Кораллы, что привозятся из нашей страны, здесь (в Кашмире. – А. К.) продаются более, нежели в других местах» (Книга... 1955: 223).

²⁰ Изоляция, характерная для Кашмира в отдельные периоды его истории, объясняется, разумеется, не только и не столько физико-географическими факторами, сколько сознательной политикой правителей, эффективно использовавших эти факторы. Очень показательным, например, сообщение аль-Бируни (XI в.): «Кашмирцы очень пекутся о [сохранении] неприступности своей страны и поэтому постоянно принимают меры предосторожности, чтобы обезопасить горные проходы и дороги, ведущие в нее. По этой причине общение с ними сильно затруднено. В прошлом бывало, что в нее попадали один или два чужеземца, в особенности из евреев, но в настоящее время они не позволяют войти в нее даже индийцу, которого не знают, не говоря уже о прочих» (Бируни 1995: 202).

В политическом плане установление монгольского владычества, как уже говорилось, означало превращение Кашмира в вассальное государство. В этой связи следует, однако, сделать одну весьма существенную оговорку. Накануне вторжения монголов Кашмирская долина, по всей видимости, не представляла собой единого политического целого. Царская власть фактически распространялась лишь на столицу – Сринагар – и прилегающие к ней районы поймы р. Джелам. Остальная же часть страны была поделена между независимыми феодалами (*дамарами*), не подчинявшимися царям ни реально, ни номинально (Stein 1900; Коган 2011). В этих неподконтрольных центру областях царил анархия и почти постоянно шли междоусобные войны. Все сказанное нами выше относительно последствий монгольских завоеваний относилось исключительно к территории, управлявшейся кашмирскими царями. Однако чем же обернулись эти завоевания для той части Кашмира, которой цари не управляли?

Сразу следует сказать, что едва ли вторжения монголов могли не затронуть эти районы. Во время походов Хукату и Сали-нойона через них должно было проходить монгольское войско, двигавшееся с северо-запада по направлению к кашмирской столице. Впоследствии гористые области северного и западного Кашмира не могли не превратиться в своеобразный буфер между джеламской поймой, находившейся под властью вассальной царской династии, и остальной частью Монгольской империи, а затем – государства Хулагуидов. Поэтому установление над этими областями постоянного контроля должно было стать для монголов первоочередной задачей, не решив которую они оказались бы не в состоянии держать в подчинении своих кашмирских вассалов. Таким образом, есть все основания полагать, что монгольское вторжение привело к существенному изменению существовавшего ранее *status quo*. В чем могло заключаться это изменение? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо четко представлять себе все те факторы, которые объективно мешали успешному функционированию монгольской администрации в некогда неподконтрольных *дамарам* районах, а также наиболее вероятные последствия устранения этих факторов. Известно, что на всех завоеванных территориях монголы

устанавливали достаточно жесткий порядок с целью сделать максимально эффективным управление и в конечном итоге – сбор налогов. В не контролировавшейся сринагарскими правителями части Кашмира эффективно управлять и собирать налоги монголам не позволяло не только царившее там безвластие, но и характерная для этих областей политическая раздробленность, наличие множества мелких и мельчайших феодальных владений. Ликвидировать эту раздробленность теоретически можно было тремя путями:

а) объединить владения *дамаров* (или по крайней мере их значительную часть) в одну политическую единицу с единым центром, подчиненную монголам (возможно, на правах вассала);

б) вернуть эти владения под непосредственное управление кашмирских царей, давно предъявлявших на них законные права;

в) присоединить эти территории непосредственно к монгольским владениям в Иране, нынешнем Афганистане и на северо-западе Индостана.

О том, какие из этих возможностей были реально воплощены, доступные нам нарративные источники напрямую не сообщают. Однако некоторые из них содержат весьма интересные косвенные свидетельства. Особого внимания в этой связи заслуживают неоднократно упоминавшиеся выше путевые заметки Ургьенпы.

Маршрут этого тибетского паломника во время его возвращения из долины р. Сват в Тибет, несомненно, проходил через северо-западные районы Кашмира. Описание данного отрезка пути, несмотря на его значительную протяженность, достаточно кратко. Покинув район Свата, Ургьенпа и его спутник Пал-е через 5 дней достигли местности Гхари, затем через 7 дней – местности Уршар, еще через 3 дня – местности Цикрота, еще через 1 день – населенного пункта Рамикоти, расположенного около реки, текущей из Кашмира (несомненно, Джелам). Далее сообщается, что, двигаясь по правому берегу этой реки, паломники через 9 дней добрались до узкой долины Дорджемула (тиб. *rDo-rje-mu-la*), а после этого достигли Кашмира (Тусси 1940: 58–60).

Три из названных здесь пяти топонимов могут быть с разной степенью надежности локализованы. Уршар еще Дж. Туччи вполне обоснованно идентифицировал с известным из санскритских тек-

стов названием Ураша (Tucci 1940: 58) – обозначением местности, включавшей, в частности, восточные районы нынешнего округа Хазара Северо-Западной пограничной провинции Пакистана. Рамикоти – вероятно, не что иное, как передача местного названия Рамкот. Этот топоним довольно часто встречается в Кашмире и на севере нынешнего Пакистана. Селение, через которое проходил Ургьенпа, скорее всего, находилось вблизи левого берега реки Джелама в пределах того же округа Хазара²¹. Возможно, оно идентично современному населенному пункту Рамкот, расположенному в этом округе восточнее г. Абботабад²² и в непосредственной близости от Джелама, по которому здесь ныне проходит граница собственно Пакистана и Азад Кашмира²³. Вполне убедительно объясняет Дж. Туччи название Дорджемула. Вероятнее всего, оно представляет собой тибетскую передачу известного кашмирского топонима, отраженного на современных картах как Барамула и фигурирующего в санскритских текстах как *varahamula*. В XIII в. это название, по всей видимости, звучало как **varamula* или **varamul*²⁴. Первый его компонент был неверно истолкован Ургьенпой как производное санскритского слова *vajra* (ваджра – ритуальное и мифологическое орудие в буддизме) и передан тибетским эквивалентом этого слова – *rDo-rje* (*Ibid.*: 60).

Упоминание в дневнике Ургьенпы местности Барамула представляется нам чрезвычайно важным и интересным. Барамула – название как долины, так и расположенного в ней города²⁵, политического, экономического и культурного центра Северного Кашмира. Согласно сведениям Ургьенпы, долина Барамула во время его путешествия Кашмиру не принадлежала. Это следует из сообщения

²¹ На это указывает, во-первых, относительная близость Рамикоти к области Уршар (4 дня пути), а во-вторых, сообщение Ургьенпы о посещении священного места Рамишвари, расположенного рядом с Рамикоти, но на противоположном берегу реки, и о дальнейшем девятидневном путешествии по правому берегу Джелама (Tucci 1940: 59–60).

²² Точные географические координаты Рамкота – 34° 1' 30" с. ш. 73° 27' 55" в. д.

²³ Подконтрольная Пакистану часть бывшего княжества Джамму и Кашмир. Административный центр – г. Музаффарабад.

²⁴ Современное кашмирское произношение *warmul*.

²⁵ Город Барамула расположен на крайнем востоке долины, неподалеку от того места, где она, расширяясь, переходит в аллювиальную равнину Кашмира.

паломника о том, что Кашмира он достиг *после* посещения этой долины. Таким образом, есть все основания полагать, что государственная граница кашмирского царства (точнее, ее северо-западный участок) в середине XIII в. проходила восточнее г. Барамула. Эта политико-географическая ситуация резко контрастирует с той, что была характерна для раннего Средневековья, когда граница шла примерно на 50 миль (то есть на 80 км) западнее (Stein 1899).

В данной связи заслуживает упоминания также краткое описание природы Кашмира, сделанное Ургьенпой. Согласно ему, поверхность этой страны «ровная как ладонь» (Tucci 1940: 60). Данное утверждение, верное по отношению ко дну Кашмирской долины (занятому поймой р. Джелам), никак не может относиться к более возвышенным ее участкам, где располагаются древние террасы (*карева*), постепенно переходящие в горные склоны. Из этого факта нетрудно сделать вывод о том, что кашмирское государство середины XIII в. не включало эти районы. По всей видимости, его территория ограничивалась тогда аллювиальной равниной, расположенной вдоль Джелама.

В описании пути Ургьенпы из долины Свата в Кашмир обращает на себя внимание полное отсутствие упоминаний о правителях областей, через которые проезжал паломник. Этот факт представляется нам особенно показательным, если учесть, что в других местах путевых заметок такие упоминания встречаются. Так, Ургьенпа пишет о дворце царей Джаландхары²⁶ (*Ibid.*: 44), рассказывает о царицах местностей Малакоте и Рукала²⁷, накормивших его и его спутника Пал-е (*Ibid.*: 46–47), о правителе г. Кабоко²⁸ Раджадеве, оказавшем паломникам радушный прием и предоставившем им сопровождающего (*Ibid.*: 50). Все эти сообщения однозначно свидетельствуют о том, что на территориях, входивших в состав Делийского султаната и Монгольской империи, мелкие феодальные правители-индусы местами сохраняли определенную степень автоно-

²⁶ Историческая область в Западных Гималаях. Включала территорию нынешнего округа Кангра индийского штата Химачал-Прадеш.

²⁷ Современные Малот и Рупвал (Tucci 1940: 46, 47) на севере пакистанской провинции Пенджаб. Имена цариц – Бхуджадеви и Сомадеви.

²⁸ Согласно Ургьенпе, на расстоянии однодневного перехода от правого берега Инда.

мии. Ургьенпа неоднократно обращает внимание на этот факт, вероятно, потому, что у этих правителей тибетские паломники искали (и, как мы видим, часто находили) поддержку, в том числе материальную. По пути же из Свата в Кашмир такую поддержку, судя по всему, искать было не у кого: мы не обнаруживаем никаких свидетельств какой-либо политической самостоятельности территорий, через которые проходили Ургьенпа и Пал-е. Это дает основания предположить, что все эти территории вместе со Сватом входили в одно политическое целое. С другой стороны, Ургьенпа прямо сообщает, что Сват был захвачен монголами (тиб. *hor*)²⁹. Упоминает он и о том, что во время его посещения этой области там находились монгольские войска (Tucci 1940: 56).

Таким образом, можно с немалой долей вероятности утверждать, что еще до похода Сали-нойона в Кашмир и Индию под контролем монголов находился обширный район, простиравшийся от Свата до Барамулы в Северном Кашмире. Непосредственное управление этим районом могло осуществляться либо монгольскими наместниками, либо какими-то вассальными правителями-мусульманами, например правителями Свата³⁰. Косвенным свидетельством в пользу последней возможности могут являться тесные связи Свата и Кашмира, фиксируемые источниками для более позднего времени³¹. После образования государства Хулагуидов (1256 г.) все указанные области, равно как и все прочие владения монголов на северо-западе Индостана, должны были войти в его состав. Это, разумеется, не означало обязательного установления на всей этой территории прямой монгольской власти: как известно,

²⁹ Тибетский этноним *hor* Дж. Туччи (Tucci 1940: 49) предпочитает переводить на английский словом *Turks*, то есть тюрки. Следует, однако, отметить, что историческое значение этого слова – именно «монголы» (ср. *hor jin-gin-khan* – монгол Чингисхан), в то время как значение «тюрки» – позднее (Jaeschke 1882: 598).

³⁰ Область Свата была исламизирована еще в раннем Средневековье. Первым материальным свидетельством распространения ислама в этом районе являются обнаруженные археологами развалины мечети 1-й половины XI в. (History... 2000). Ургьенпа сообщает, что в этой области проживает народ *sTag-gzig* (Tucci 1940: 49, 95). Этим словом в современном тибетском языке называют персов, однако в прошлом им обозначали также арабов и вообще мусульман (Yoeli-Tlalim 2010). Исторически оно восходит к названию арабского племени *тази*.

³¹ О них см. ниже.

хулагуидская держава представляла собой огромный конгломерат вассальных владений разного размера, статуса и степени самостоятельности (Петрушевский 1955).

Еще одной интересной деталью описания пути Ургьенпы в Кашмир является отсутствие сообщений о каких-либо опасных происшествиях (покушениях, нападениях разбойников и т. д.). По-видимому, область между Сватом и Барамулой была достаточно безопасна для путешественников, чего нельзя сказать о многих других районах, описанных в путевых заметках. Достаточно вспомнить хотя бы опасности, пережитые паломниками в Кашмире и чуть было не стоившие Ургьенпе жизни (см. выше). Установление порядка в долине Барамула и смежных областях, несомненно, следует объяснять монгольским завоеванием: в домонгольскую эпоху на этих территориях, как уже говорилось, властвовали *дамары*, одним из основных занятий которых был разбой.

Все сказанное выше подводит нас к выводу о том, что та часть Кашмира, которая до прихода монголов не контролировалась царями, еще в 1-й половине XIII в. была присоединена к Монгольской империи. Вероятно, это явилось результатом первого монгольского похода в Кашмир в 1235 г. В результате этого завоевания власти *дамаров* был положен конец, а вместе с ней пришел конец и ставшим к тому времени обычным явлением междоусобицам и разбою.

Продолжение следует

Литература

Бируни, А. Р. 1995. *Индия*. М.: Ладомир.

Коган, А. И. 2011. Социально-экологический кризис в Кашмире в XI–XII веках. *Природа и общество: общее и особенное*: сб. (с. 105–127). М.: ИАЦ Энергия.

Книга Марко Поло / пер., вступ. ст. И. П. Магидовича. М.: Географгиз, 1955.

Петрушевский, И. П. 1955. Труд Сейфи как источник по истории восточного Хорасана. *Труды Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции*. Т. V. Ашхабад.

Рашид ад-Дин И. 1952. *Сборник летописей*. Т. 1, кн. 1 / пер. с персидского Л. А. Хетагурова, ред. и прим. А. А. Семенова. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Селиванова, Т. П. 1985. *Социально-экономический строй средневекового Кашмира (по данным «Раджатарангини» Калханы, XII в.): дис. ... канд. ист. наук. Л.*

Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un Niruca tobciyan*. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник / пер. С. А. Козина. М.; Л., 1941.

Храпачевский, Р. П. 2009. *Золотая орда в источниках*. Т. III. *Китайские и монгольские источники*. М.: Центр по изуч. военной и общ. истории.

Berzin, A. n.d. A Survey of Tibetan History. URL: [http://www. Berzinarchives.com/web/en/archives/e-books/unpublished_manuscripts/survey_tibetan_history/chapter_3.html](http://www.Berzinarchives.com/web/en/archives/e-books/unpublished_manuscripts/survey_tibetan_history/chapter_3.html)

Hasan, M. 1959. *Kashmir under the Sultans*. Calcutta.

History of Civilisations of Central Asia. Vol. IV. The Age of Achievement: A.D. 750 to the End of the Fifteenth Century. Part Two. The Achievements. Multiple History Series. Paris: UNESCO Publishing, 2000.

Jackson, P. 2003. *The Delhi Sultanate: A Political and Military History (Cambridge Studies in Islamic Civilization)*. Cambridge: Cambridge University Press.

Jaeshke, H. A. 1882. *A Tibetan-English Dictionary, with Special Reference to the Prevailing Dialects, to which is Added an English-Tibetan Vocabulary*. London.

Jahn, K.

1956. Kashmir and the Mongols. *Central Asiatic Journal* II(3): 176–180.

1965. *Rashīd al-Dīn's History of India: Collected essays with facsimiles and indices*. The Hague: Mouton.

1980. *Indiengeschichte des Rašīd ad-Dīn*. Wien.

Medieval Kashmir: Being a Reprint of the Rajataranginis of Jonaraja, Shrivara and Shuka, as Translated into English by J. C. Dutt and Published in 1898 A. D. under the Title “Kings of Kashmira”, Vol. III / Ed., with Notes etc., by S. L. Sadhu. New Delhi, 1993.

Stein, M. A.

1899. *Memoir on Maps Illustrating the Ancient Geography of Kashmir*. Calcutta.

1900. The Damaras. *Kalhana's Rajatarangini or Chronicle of the Kings of Kashmir*. Vol. II. Westminster.

1919. Marco Polo's Account of a Mongol Inroad into Kashmir. *Geographical Journal*. August, 1919: 92–103.

Tucci, G. 1940. *Travels of Tibetan Pilgrims in the Swat Valley*. Calcutta.

Wink, A. 2002. *Al-Hind. The Making of the Indo-Islamic World*. Vol. 2. *The Slave Kings and the Islamic Conquest, 11th – 13th Centuries*. Leiden, Brill.

Yoeli-Tlalim, R. 2010. *Islam and Tibet: Cultural Interactions – an Introduction*. In Akasoy, A., Burnett, Ch., Yoeli-Tlalim, R. (eds.), *Islam and Tibet – Interactions along the Musk Routes*. Farnham, England.